

Л. Саккетти

Эстетика в общедоступном изложении

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л. Саккетти**
Эстетика в общедоступном изложении: Том 2 / Л. Саккетти – М.: Книга по Требованию, 2024. – 590 с.

ISBN 978-5-458-54957-8

ISBN 978-5-458-54957-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	СТРАН.
зі експрессіи. Безобразное въ жизни и смерти. Границы искусствъ. Безобразное въ природѣ.	
Примѣчанія къ главѣ XIV-й	525—552
ГЛАВА XV. Искусство	553—575
Происхожденіе искусства. Природа и искусство. Симпатія. Подражаніе. Символизмъ. Аллегорія. Идеализація въ искусствѣ. Изученіе природы художниками. Соединеніе идеализма и реализма въ искусствѣ. Роль художника.	
Примѣчанія къ главѣ XV	575—584

ВВЕДЕНИЕ.

Человѣкъ не только получаетъ впечатлѣнія отъ окружающаго міра, но и пытается давать себѣ въ нихъ отчетъ. Мы не только видимъ свѣтъ, слышимъ звукъ, но и желаемъ знать, что такое свѣтъ, что такое звукъ. Точно также мы не только любимся красотою, но и интересуемся узнать, что она такое. Оптика занимается изслѣдованіемъ свѣта; акустика изучаетъ звукъ; эстетика пытается отвѣтить на вопросъ: что такое красота? ¹⁾

Русское слово „красота“ намекаетъ на красный цвѣтъ ²⁾. Въ русскихъ пѣсняхъ красавица зовется „красная дѣвица“. Русский языкъ угадалъ глубокую истину: въ современной эстетикѣ устанавливается убѣжденіе, что одно изъ главнѣйшихъ условій красоты заключается въ проявленіи жизненности. Жизненная сила обнаруживается въ румянцѣ. Наоборотъ, блѣдность ³⁾ есть признакъ болѣзни или упадка жизненной энергіи, или даже смерти.

Конечно, иногда блѣдность можетъ нравиться. Но это оттого, что мы живемъ не только жизнью физическою, но и умственною, и нравственною. Для человѣка существуетъ не одна красота тѣлесная, но и духовная. Жизнь, всецѣло сосредоточенная на умственныхъ интересахъ, или богатая нравственными подвигами, можетъ ослабить тѣло. Поэтому изыяны тѣла иногда служатъ признаками усиленной жизни сердца, всего болѣе дорогой намъ, и кажутся ореоломъ духовной красоты. Нѣкоторыя болѣзни красятъ человѣка. Онѣ, уничтожая тѣло, эту физическую оболочку нашего духа, какъ бы содѣйствуютъ его полному проявленію и освобожденію. „Все тѣло, пишетъ Розенкранцъ, уже само по себѣ не имѣетъ значенія и всецѣло становится выраженіемъ его покидающаго, независимаго отъ природы духа. Кому не случалось видѣть, какимъ свѣтомъ озаренъ видъ молодой дѣ-

вѣшечки или юноши, умирающихъ въ чахоткѣ. Ничего нѣтъ подобнаго въ животныхъ. Оттого и смерть вовсе не есть непремѣнное условіе обезображиванія чертъ лица; напротивъ, она можетъ оставить прекрасное, блаженное выраженіе“ ⁴).

Прекрасенъ былъ умершій Гете (см. т. I, 2-е изд., стр. 316—317). Таковъ больной Спиноза Антокольскаго ⁵). Изнурено недугомъ тѣло великаго мыслителя. Но на челѣ его отразилось убѣжденіе, что „всѣ явленія обычной жизни тщетны и ничтожны, и всѣ предметы, внушающіе страхъ, сами по себѣ ни дурны, ни хороши, а становятся таковыми постольку, поскольку они затрагиваютъ душу“ „И вотъ, пишетъ Спиноза, я наконецъ рѣшился искать, нѣтъ ли истиннаго добра, которое можно было бы доставить людямъ, — добра, способнаго всецѣло наполнить душу, послѣ того, какъ она отброситъ всякое другое благо,—словомъ добра, могущаго, разъ оно найдено, дать вѣчное и высшее счастье“ ⁶). Изъ „Этики“ Спинозы мы узнаемъ, въ чемъ заключается это высшее счастье. „Такимъ образомъ, пишетъ онъ, въ жизни прежде всего полезно совершенствоваться умъ или разумъ, и въ этомъ одномъ состоитъ величайшее счастье или блаженство человѣка, такъ какъ блаженство есть не что иное, какъ довольство души, проистекающее изъ интуитивнаго познанія Бога“ ⁷).

Люди сдѣлали много вреда Спинозѣ. Евреи его проклинали. Христіане его отвергли. Но Спиноза училъ: „Не ужасаться передъ человѣческими дѣйствіями, не жалѣть и осмѣивать ихъ, но познавать ихъ“ ⁸). А все понять, значитъ, все простить... ⁹) Богъ отнялъ у Спинозы здоровье. Но не ропотомъ, не уныніемъ, а радостною любовью отвѣчаетъ онъ на Божественное предопредѣленіе. „И буду ли я любить Бога свободно, пишетъ Спиноза, или въ силу неизбежнаго Божественнаго предначертанія, я во всякомъ случаѣ буду любить Его и достигну блаженства“ ¹⁰).

При взглядѣ на „Спинозу“ Антокольскаго, вспоминаются слова Шлейермахера: „Пожертвуйте со мной локоны волосъ останкамъ святого и непризнаннаго Спинозы! Духъ вселенной проникалъ его. Безконечное было его началомъ и концомъ. Всеобъемлющее было его единственною и вѣчною любовью. Живя въ святой невинности и глубокомъ смиреніи, онъ созерцалъ себя въ вѣчномъ мірѣ и видѣлъ, что и онъ для міра есть зеркало, достойное любви. Онъ былъ полонъ религіи и Святого Духа и является намъ несравненнымъ въ своемъ одиночествѣ хозяиномъ своего дѣла, высоко поднявшимся надъ мірскою суетою, безъ учениковъ и безъ правъ гражданства“ ¹¹).

Прекрасенъ Даннекеровскій бюстъ больного Шиллера, отмѣ-

ченный художникомъ числомъ 1805 и сдѣланный за два мѣсяца до смерти поэта. Это произведеніе верхъ красоты патологической; послѣдняя фиксирована яркимъ пламенемъ вспышки погасающаго свѣточа. Тѣло изможденнаго, почти что покойника—одна кожа да кости, но на захудалой мраморной щекѣ угадываешь чахоточный румянецъ и во всѣхъ чертахъ просвѣчиваетъ еще гордая, неунывающая и порывистая душа великаго идеалиста. Чтобы достигнуть полной эстетической оцѣнки этого произведенія, надобно его сопоставить съ другимъ совѣмъ уже не эстетическимъ, но реальнѣйшимъ предметомъ—съ посмертною гипсовою маскою преставившагося Шиллера. Она хранится въ бывшемъ домѣ Шиллера на Luisen—нынѣ Schillerstrasse, близъ Гетева дома и близъ театра ¹²⁾.

Жизненную силу мы ощущаемъ въ самихъ себѣ. Если мы живемъ въ благопріятныхъ физическихъ условіяхъ, то ощущаемъ пріятное состояніе здоровья. Если же мы изучаемъ жизнь, слѣдимъ за ея отправленіями въ разныхъ органахъ нашего тѣла, какъ это дѣлаетъ фізіологія, или за душевными явленіями, которыми занимается психологія, то мы жизненною силою научно интересуемся. Наконецъ, если мы созерцаемъ внѣшнія проявленія жизненности, на примѣръ: здоровье, разливающееся на щекахъ цвѣтущей дѣвушки, или проникательный взоръ мыслителя, прозрѣвающего истину, или кроткое спокойствіе подвижника, совершившаго свой долгъ,—то этими проявленіями жизненной силы, какъ физической, такъ и духовной, мы эстетически любуемся.

Въ библии сказано: „И видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зело“ ¹³⁾.

Красота міра заключается въ томъ, что онъ весь проникнутъ жизнью. Но міръ не только проникнутъ жизнью, а такъ устроенъ, что болѣе или менѣе поддается нашей потребности ¹⁴⁾ въ его одухотвореніи и очеловѣчиваніи ¹⁵⁾, превращающей созерцаемое въ красоту ¹⁶⁾. Эстетически любуясь міромъ, мы одухотворяемъ безжизненные предметы. Жизнь, дремлющая въ растительномъ мірѣ, пробуждается въ животномъ и достигаетъ апогея въ чловѣкѣ, существованіе котораго наиболѣе полно и разнообразно, а потому онъ и кажется наиболѣе прекраснымъ ¹⁷⁾.

Впрочемъ, не всегда красота распредѣляется сообразно органической іерархіи ¹⁸⁾. Иногда существо, занимающее высокую ступень на біологической лѣстницѣ, менѣе красиво, чѣмъ то, которое по своей простотѣ помѣщается гораздо ниже ¹⁹⁾. Есть животныя, менѣе красивыя, чѣмъ растенія; бываютъ люди болѣе безобразныя и отвратительныя, чѣмъ животныя. Такъ, на примѣръ,

нельзя и сравнивать прекрасную розу, величественный дубъ съ свиньей, или чудную арабскую лошадь, умную, добрую собаку съ кретиномъ или идиотомъ. Л. Андреевъ, изображая Идіота, пишетъ: „И былъ отвратителенъ и страшенъ его видъ: на узенькихъ, совсѣмъ еще дѣтскихъ плечахъ сидѣлъ маленькій черепъ съ огромнымъ, неподвижнымъ и широкимъ лицомъ, какъ у взрослого. Что-то тревожное и пугающее было въ этомъ дикомъ несоотвѣтствіи между головой и тѣломъ, и казалось, что ребенокъ надѣлъ зачѣмъ-то огромную и страшную маску“ ²⁰).

Почему же свиньи, идіоты, кретины и т. п., хотя живыя существа, но кажутся намъ такими отвратительными, такими безобразными? Причина та, что отъ нихъ, какъ отъ существъ со столь высокою организаціей, мы ждемъ проявленія жизни болѣе духовной, болѣе человѣческой, чѣмъ та, которую они обнаруживаютъ. Въ свиньѣ намъ претитъ исключительное господство животныхъ аппетитовъ“ ^{20а}). Даже Брэмъ, довольно благосклонно относящійся къ свиньямъ, все таки замѣчаетъ, что онѣ „очень прожорливы, упрямы, неловки и не проявляютъ привязанности къ человѣку“ ²¹). Въ этомъ животномъ намъ противны именно его „свинскія“ наклонности... Высшую степень отвращенія мы испытываемъ, когда ихъ замѣчаемъ въ людяхъ. Идіоты, кретины съ ихъ бессмысленными глазами, низкимъ лбомъ, отвислою нижнею губою, прожорливостію, поглощающею все безъ разбора, чувственностію, доходящею до изступленнаго звѣрства ²²), — представляютъ диссонирующій контрастъ съ ихъ человѣческою организаціей. И чѣмъ она совершеннѣе, тѣмъ отвратительнѣе проявленіе грязныхъ, животныхъ влеченій. Австралійскіе дикари считаютъ для себя великимъ счастіемъ, если на ихъ берегъ случайно выкинетъ мертваго кита. „Всѣ начинаютъ буквально проѣдать кита, копошась внутри и вокругъ его воняющаго остова и отыскивая лакомые кусочки“. „Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе отвратительное, какъ видѣть молодую красиво-сложенную туземную дѣвушку, вылѣзающую изъ гнилаго китоваго остова“ ²³).

Все-таки мы видимъ здѣсь естественное удовлетвореніе голода. Еще отвратительнѣе стремленіе людей, пресыщенныхъ излишествами, искусственно вызывающихъ въ себѣ животныя аппетиты и пытающіеся усиливать наслажденія противоестественнымъ удовлетвореніемъ. Такъ, напримѣръ, древніе римляне, во время своихъ пиршествъ, принимали рвотное, чтобы снова наслаждаться процессомъ ѣды: „Vomunt ut edant; edunt, ut vomant“ ²⁴).

Лакированная внѣшность изысканной культурности, скры-

вающая пошлость, дряблость, развратъ и порокъ, еще сильнѣе оттѣняетъ нравственное безобразіе ²⁵).

По мнѣнію Ч. Дарвина, „безобразіе заключается въ приближеніи къ строенію низшихъ животныхъ“ ^{25a}), но еще болѣе— въ препятствіи нашему стремленію къ одухотворенію предмета нашего созерцанія ²⁶). Оттого нѣкоторые животныя и даже люди своими анти-человѣческими свойствами такъ сильно насъ отталкиваютъ. Наоборотъ, роза, дубъ хотя растенія, тѣмъ не менѣе кажутся несравненно привлекательнѣе многихъ животныхъ, даже людей, напримѣръ, идіотовъ и кретиновъ, потому что роза представляется намъ символомъ цвѣтущей, юной жизни красавицы, а дубъ—несокрушимой, мужественной энергіи и силы. Высокую красоту мы увидимъ даже въ камнѣ, напримѣръ, въ утесѣ ²⁷), сохраняющемъ, подобно герою, свой невозмутимый, гордый покой среди бушующихъ, яростно нападающихъ на него волнъ, или если на мраморѣ художественный рѣзецъ запечатлѣтъ проявленіе человѣческой души, хотя бы гнѣва, отъ котораго мы невольно содрогаемся, смотря на „Моисея“ Микель-Анджело, этого законодателя человѣчества, способнаго своею мощью, которою запечатлѣна вся его внѣшность, укротить волненія народовъ и подчинить ихъ своему авторитету ²⁸). Но красота „Моисея“, какъ и красота дуба, противостоящаго натиску бурь, какъ и красота скалистаго утеса ²⁹), непоколебимаго среди яростныхъ волнъ, производитъ возвышенное впечатлѣніе. Наоборотъ, красота Амура съ его пухленькими формами дѣтскаго тѣльца, мотылька, порхающаго съ цвѣтка на цвѣтокъ, колибри, райскихъ птицъ, ласкающихъ взоръ радужными цвѣтами своего оперенья, лужайки, покрытой бархатистою травой, орошаемой игривымъ ручейкомъ, незабудки, застѣнчиво притаившейся въ тѣнистомъ уголкѣ,—подобная красота прелестна. Главы, вошедшія во второй томъ этой книги, посвящены прекрасному, прелестному, возвышенному, его гибели, обусловливающей трагическое переживаніе, комическому, какъ контрасту трагическаго, и безобразному, способному при его художественной обработкѣ производить мощное эстетическое впечатлѣніе. Первая глава посвящена собственно прекрасному, занимающему, между возвышеннымъ и прелестнымъ мѣсто, подобное Венерѣ между Зевсомъ и Амуромъ ³⁰). Прекрасное, прелестное, возвышенное, трагическое, комическое и безобразное разсмотрѣны въ природѣ и въ искусствѣ. Ему посвящена послѣдняя глава, въ которой выяснены его смыслъ и значеніе въ культурномъ ростѣ человѣчества.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ВВЕДЕНІЮ.

1) Красота представляет такія трудности для изслѣдованія, что они могутъ показаться непреодолимыми. „Красота, пишетъ Достоевскій, это—страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчья вмѣстѣ живутъ“. „Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердце людей“. (Достоевскій, Братья Карамазовы, 3 изд. Спб. 1882. Томъ I, стр. 123—124).

Подобно Достоевскому, и Бодлэръ (въ *Hymne á la beauté*) находитъ красоту страшною и даже чудовищною.

„Que tu vienne du ciel ou de l'enfer, qu'importe,
O, Beauté, monstre énorme, effrayant, ingénu!
Si ton oeil, ton souris, ton pied m'ouvrent la porte
D'un infini que j'aime et n'ai jamais connu?
De Satan ou de Dieu, qu'importe? Ange ou Sirène,
Qu'importe si tu rends,—fée aux yeux de velours,
Rythme, parfum, lueur, ô mon unique reine!—
L'univers moins hideux et les instants moins lourds“.

(Les fleurs du mal par Charles Baudelaire précédées d'une notice par Théophile Gautier. Nouvelle édition. Paris. 1886, p. 117).

2) Можетъ быть, чувство красоты произошло отъ цвѣта плодовъ, который сначала привлекалъ къ пище, а потомъ сталъ нравиться самъ по себѣ. (Ed. Clodd, A primer of Evolution. London. 1895, p. 61).

Слово „Красота“ у Гомера и трагиковъ. См. Walter, Die Geschichte der Ästhetik im Altertum. Leipzig. 1893. Ср. Jonas Cohn, Allgemeine Ästhetik. Leipzig. 1901. S. 3.

Понятіе красоты, вѣроятно, происходитъ отъ цвѣта. (Stewart, On the Beautiful, p. 275. Ср. Al. Bain, The Emotions and Will. 2 ed. London. 1865, p. 217—218.

О любви къ красному цвѣту у людей см. Grosse, Die Anfänge der Kunst. Freiburg und Leipzig. 1894, S. 58—60. Ср. P. Souriau, La suggestion dans l'art. Paris. 1893, p. 25—26. Edwin Swift Balch, Comparative Art. Philadelphia. 1901, p. 163.

Объ этимологіи нѣмецкаго слова „Schön“ см. Groos, Einleitung in die Aesthetik. Giessen. 1892. S. 60.

3) О блѣдномъ и розовомъ цвѣтѣ лица см. Immanuel Kant, Kritik der Urtheilskraft und Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen. Herausgegeben von Karl Rosenkranz. Leipzig. 1838. S. 437.

О красотѣ румяной и блѣдной см. Чернышевскій, Эстетическія отношенія искусства и дѣйствительности. Изд. 2-ое А. Н. Пыпина. Спб. 1865, стр. 6—9.

4) Rosenkranz, Aesthetik des Hässlichen. Königsberg. 1853, S. 32—33.

Утопизирующа Марію Павловну Тургеневъ (въ Затишьѣ) описываетъ

такъ: „Она лежала на столѣ въ гостиной въ бѣломъ платьѣ. Густые ея волосы еще не совсѣмъ высохли; какое-то скорбное недоумѣніе выражалось на ея блѣдномъ лицѣ, не успѣвшемъ исказиться; раскрытыя губы, казалось, силились заговорить и спросить что-то, стиснутыя крестъ на крестъ руки, какъ бы съ тоской, прижимались къ груди... Но съ какой бы горестной мыслью ни погибла бѣдная утопленница, смерть наложила на нее печать своего вѣчнаго безмолвія и смиренія... и кто пойметъ, что выражаетъ мертвое лицо въ тѣ немногія мгновенія, когда оно въ послѣдній разъ истрѣчаетъ взглядъ живыхъ передъ тѣмъ, чтобы навсегда исчезнуть и разрушиться въ могилѣ“. (Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева 3-е изд. Спб. 1891, томъ VI, стр. 84—85).

Едва ли можно согласиться съ приведеннымъ въ текстѣ мнѣніемъ Розенкранца относительно животныхъ. У больныхъ обезьянъ „звѣрскія качества исчезаютъ, а благородныя ярко обнаруживаются“. (А. Брэмъ, Плюстрированная жизнь животныхъ. Спб. 1866. Томъ I, стр. 11).

5) 12 января 1895 года мнѣ удалось побесѣдовать съ Маркомъ Матвѣевичемъ Антокольскимъ по поводу его „Спинозы“. М. М. Антокольскій сказалъ мнѣ, что онъ глубоко изучилъ личность и ученіе названнаго мыслителя, прежде чѣмъ приняться за его статую. Спиноза страдалъ чахоткой. (Colerus, La vie de Benoit Spinoza. Oeuvre de Spinoza, traduites par Emils Saisset. Nouvelle édition. Paris. 1872. II, p. XXXV). Чахоточный тѣпъ у Ботичелли и Burn Jones (P. Souriau, La Beauté rationnelle. Paris. 1904, p. 377).

6) Spinoza, De la réforme de l'entendement. (Oeuvres de Spinoza, tr. par Emile Saisset. Paris. 1842. Seconde série, p. 275).

7) Бенедиктъ Спиноза, Этика, пер. подъ ред. проф. Модестова, изд. 2, стр. 291.

8) Куно Фишеръ, „Исторія новой философіи“. Томъ I, переводъ Н. Н. Страхова. Изд. Н. Тиблена. Спб. 1862, стр. 227. M. Dessauer, Der Socrates der Neuzeit und sein Gedankenschatz. Sämmtliche Schriften Spinoza's gemeinverständlich und kurzgefasst mit besonderer Hervorhebung aller Lichtstrahlen. Cötten. 1877, S. 122.

9) Fr. Brentano, Das Schlechte als Gegenstand dichterischer Darstellung. Leipzig. 1892. S. 26.

10) Переписка Бенедикта Спинозы съ приложеніемъ жизнеописанія Спинозы Колеруса, пер. съ латинскаго Л. Я. Гуревичъ, подъ ред. и съ прим. А. Л. Волынскаго. Спб. 1891, стр. 317.

11) Oeuvres de Spinoza, tr. par Emile Saisset. Paris. 1872. T. I. p. 7.

12) Спасовичъ, Дружба Шиллера и Гёте. („Вѣстникъ Европы“. 1894. Февраль, стр. 676). Упомянутый бюстъ хранится въ Веймарской Библіотекѣ. (Тамъ же, стр. 675).

13) Бытіе, I, 31.

Аналогичныя мысли въ Тимей Платона (Oeuvres de Platon, tr. de V. Cousin. Paris. 1839. Tome XII, p. 119) и у Марка Аврелія (Pensées de Marc Aurèle. Traduction nouvelle par I. Barthélemy — St. Hilaire. Paris. 1876. Livre VI, § 1, p. 163).

14) Th. Lipps, Grundlegung der Aesthetik. Hamburg und Leipzig. 1903. S. 163—165.

15) Ibid. S. 96, 102, 103, 107—112, 140, 148, 156, 157, 159—166, 184—185, 199, 202, 206, 207—208, 224—226, 235—237, 244, 257—259. Cp. K. Lange, Das Wesen der Kunst. Berlin. 1901. Bd. I. S. 380 ff.

16) Ibid. S. 161—163.

17) Ibid. S. 102—105. Ср. Th. Jouffroy, Cours d'Esthétique. 3-me éd. Paris. 1875, p. 244, 368, 460.

18) Органическая лестница—непрерывная цѣпь отъ простѣйшей кѣтки до челоѣка (Th. Huxley, Evolution and Ethics. London. 1895, p. 5. Ср. Ed. Clodd, A primer of Evolution. London. 1895, p. 45, 49, 56—57, 63, 74—75).

19) K. Lange, Das Wesen der Kunst. Berlin. 1901. Bd. I, S. 350. О іерархіи красоты (P. Souriau, La Beauté rationnelle. Paris. 1904, p. 222, 448—449).

20) А. Андреевъ, Жизнь Василія Оивейскаго. (Л. Андреевъ, Разсказы. Изд. тов. „Знаніе“. Спб. 1906. Томъ 2-й, стр. 117—118).

20а) Свинья есть символъ чувственности и порока. (P. Genet, La Mort et le Diable. Paris. 1880, p. 506).

21) Брэмъ, Жизнь животныхъ. 1893. Томъ 3, стр. 548.

22) Rosenkranz, Aesthetik des Hässlichen. Königsberg. 1853. S. 31—32.

23) Сэръ Джонъ Лэббокъ, Достоинственныя времена. Переведено съ 3-го англійскаго изданія подъ ред. Д. Н. Анучина. Москва. 1876, стр. 350.

24) Seneca, Ad Helviam matrem de Consolatione. 10. 3. Впрочемъ, древніе римляне принимали рвотное не только изъ-за обжорства, но и какъ гіііеническое средство. (L. Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. 8 Aufl. Leipzig. 1910. III, S. 42—44. Тамъ интересныя библ. указанія).

25) „Богачи, пишетъ Розенкранцъ, получившіе культурный лоскъ, угрожающіе каждому своему капризу, утопающіе въ утонченномъ эгоизмѣ, кокетничающіе своими успѣхами у женщинъ, мучающіе своихъ лакеевъ, страдаютъ отъ скуки. Эти салонные господа часто погружены въ бездонную пропасть зла“. (Rosenkranz, Aesthetik des Hässlichen. Königsberg. 1853. S. 30). Въ нравственномъ отношеніи иногда животныя выше людей. (P. Souriau, La Beauté rationnelle. Paris 1904, p. 453). Недаромъ Landseer, изобразивъ собаку съ необычайно благороднымъ выраженіемъ, назвалъ ее: „A distinguished Member of Human Society“ („почетный членъ челоѣческаго общества“. The National Gallery. Edited by sir Edward J. Poynter. London. 1900. Vol. III, p. 152, № 1226).

25а) Ч. Дарвинъ, Происхожденіе челоѣка. Пер. подъ ред. Стѣенова. Спб. 1872. II, стр. 393.

26) Th. Lipps, Grundlegung der Aesthetik. Hamburg und Leipzig. 1903. S. 102, 140.

Опредѣленіе безобразія см. у K. Groos, Einleitung in die Aesthetik. Giessen. 1892. S. 283, 296.

27) K. Lange, Das Wesen der Kunst. Berlin. 1901. Bd. II. S. 381—384, 387—388. Ср. I. Volkeit, Die Bedeutung der niederen Empfindungen für die ästhetische Einfühlung. (Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane 1903. Bd. 32. Heft. 1. S. 27).

28) H. Grimm, Leben Michelangelo's. 7 Aufl. Berlin. 1894. Bd. 1. S. 359. „Думали, что Микель-Анджело изобразилъ Моисея въ моментъ, когда онъ, узнавъ, что израильскій народъ поклоняется золотому тельцу, вскакиваетъ со своего мѣста. Но въ такомъ случаѣ онъ не игралъ бы своей бородой“. (E. Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance. Paris. 1895. III, p. 391—392).

29) Ad. Trendelenburg, Niobe. Einige Betrachtungen über das Schöne und Erhabene, vorgetragen im wissenschaftlichen Vereine zu Berlin. Berlin. 1846. S. 24.